

К.Е. НОВИКОВ

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье содержится анализ результатов социологического опроса, проведенного во Владимирской области осенью 2013 года. Рассматривается проблема малых и средних городов региона, чей уровень урбанизации и благоустройства не всегда соответствует запросам населения (недоурбанизация). Устанавливается связь между географическим положением населенного пункта по отношению к соседнему мегаполису и социальным самочувствием его жителей. Методом статистического анализа ответов респондентов устанавливается сила воздействия на миграционные настроения жителей области социально-демографических, экономико-географических, социокультурных (идеологических) и социально-политических факторов. В частности, уточняется значение близости столичного региона как притягивающего фактора миграции в рамках гравитационной модели. Показано, что негативные аспекты недоурбанизации сильнее переживаются в малых и средних городах, расположенных вблизи крупных городов.

Ключевые слова: гравитационная модель, Владимирская область, миграция, миграционные настроения, урбанизация, недоурбанизация, статистический анализ, социокультурные факторы.

Введение

По итогам Всероссийской переписи 2010 года, в стране находятся 1100 населенных пунктов, имеющих статус города. Население растет лишь в 296 (30%) из них. В то же время в стране всего 86 городов с населением выше 100 тыс. человек, зато 53,7% из них растут. Города

Новиков Кирилл Евгеньевич — кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории политической демографии и макросоциологической динамики при РАНХиГС; старший научный сотрудник Института социологии РАН. **Адрес:** 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1. **Телефон:** +7 (919) 967-13-71.
Электронная почта: kenovikov@yandex.ru

с населением от 20 тыс. до 100 тыс. человек растут гораздо реже (30,7%) и совсем редко — малые города с населением менее 20 тыс. (12,6%). Соответственно, большая часть малых и средних городов стагнирует, или теряет население, которое перебирается в города покрупнее. Похожая картина наблюдается и в Центральном федеральном округе, где растут 55% городов с населением выше 100 тыс., 38,4% городов с населением от 20 до 100 тыс. и 12,3% с населением менее 20 тыс. человек. Как видно, средние города ЦФО растут несколько активнее, чем в среднем по России, что объясняется, в частности, принадлежностью многих из них Московской агломерации, притягивающей большое число мигрантов. Вместе с тем общая тенденция остается неизменной: население продолжает перетекать из малых городов в большие, что, как представляется, требует внимания исследователей.

Названные тенденции достаточно удачно вписываются в ставшую классической модель Дж. Джиббса, описывающую пять фаз урбанизации [10]. В первой фазе, соответствующей доиндустриальной стадии развития, сельское население растет быстрее городского; во второй фазе городское население растет быстрее, а рост сельского населения замедляется; в третьей фазе сельское население сокращается, а городские центры растут за счет миграции из сельских регионов; в четвертой — большие города разрастаются до масштаба мегаполисов, в то время как малые города начинают терять население, причем темпы роста городского населения в целом замедляются; наконец, в пятой фазе происходит деконцентрация населения, которое теперь стремится из мегаполисов на периферию. Позднее Джиббс несколько модифицировал свою схему, указав, что в разных регионах мира фазы урбанизации могут иметь свои особенности. В соответствии со схемой Джиббса, современная Россия или, по крайней мере, ее наиболее развитые регионы, такие как ЦФО, должны переживать четвертую фазу урбанизации. Вместе с тем для понимания происходящего в стране явно не достаточно указать, в какой фазе сейчас находятся наши города, особенно если учесть, что, модель Джиббса — далеко не единственная теория, описывающая процессы урбанизации.

Вопрос о том, каковы результаты российской урбанизации, на сегодняшний день остается дискуссионным. В частности, группа исследователей (П. Полян, Т. Нефедова, А. Трейвиш и др.) в коллективной монографии «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен» [8] настаивает на том, что далеко не все населенные пункты, формально имеющие статус города, и в самом деле являются городами, поскольку стиль и качество жизни в них не соответствуют неким важным критериям, позволяющим отличить город от негорода. В своих рассуждениях авторы монографии опираются на идеи В. Семенова-Тян-Шанского, который еще в начале XX века, строя классификацию российских городов, высказал предположение о том, что «истинных городов» в России не так уж много.

Анализ авторов монографии показал, что официальный уровень урбанизации (73–75%) явно завышен, о чем говорит, в частности, негородской образ жизни многих горожан: около 40% связаны с сельским хозяйством, а у 18% доход от работы на земле превышает доход от других видов занятости. К тому же лишь 56–59% населения страны имеют городские бытовые условия (канализация и т. п.). Таким образом, под вопрос ставится не только городской статус многих населенных пунктов, но и урбанизированный характер значительной части населения страны. По мнению авторов, истинных горожан в России не 73–75%, а 50–60% или даже менее — на уровне 47–49%, если брать за основу западные стандарты городского образа жизни.

Т. Нефедова и А. Трейвиш провели анализ положения российских городов, используя ряд показателей их успешности — инвестиции на душу населения, доля убыточных предприятий, обеспеченность жилого фонда канализацией и телефонами и т. п. — и пришли к выводу, что состояние городов зависит в основном от их размера, статуса, функций и географического положения, причем зависимость от количества жителей оказывается наиболее очевидной: «Чем меньше размер города, тем выше в нем доля незанятого населения, меньше зарплата, меньше, соответственно, торговый оборот и т. п.» [9]. Авторы статьи также отметили, что «в ближайшем окружении столицы или недалеко от других крупнейших городов признаков сильной депрессии даже в малых городах, как правило, не видно» [9]. Вместе с тем статистические данные, подкрепленные данными социологических опросов, говорят о том, что миграционные настроения в малых городах, находящихся в зоне притяжения крупных городов, зачастую оказываются выше, чем в глубинке, и отток населения из таких населенных пунктов также весьма значителен.

Наша гипотеза заключается в том, что негативные аспекты «недоурбанизации», проявляющиеся в недостаточном уровне развития городской среды и городского образа жизни, острее переживаются в малых и средних городах, расположенных вблизи от крупных городов, поскольку жители таких малых городов сильнее чувствуют свою оторванность от благ урбанистической цивилизации. Жители средних городов в целом находятся в положении хронической маргинальности, поскольку они уже оторваны от сельской идиллии малых населенных пунктов, но к благам урбанизма так и не приобщились. Таким образом, на миграционное поведение жителей таких городов должны влиять как экономические, так и социокультурные факторы, то есть идеологии различных социальных групп, определяющие реакцию населения на вызов собственной недоурбанизированности перед лицом крупных городских центров. Соответственно, задача данной работы — попытаться измерить силу воздействия различных факторов, влияющих на миграционное поведение населения и отношение значительных его групп к самой возможности перемены места жительства, то есть на миграционные настроения.

Внутренние миграции в РФ хорошо изучены, особенно на уровне федеральных округов. Следует упомянуть важные работы Е. Андреева и А. Вишневого [1], Ю. Андриенко, С. Гуриева [2], Ж. Зайончковской [3], М. Лифшица [5], Н. Мкртчяна [7] и др. Между тем, миграционные настроения населения, в частности на уровне отдельных областей, изучены недостаточно. Так, открытым остается вопрос о том, в каком соотношении находятся объективные факторы, влияющие на решение о переселении (экономика, экология, безопасность) и субъективные (социокультурные) факторы, то есть идеология различных групп населения.

Методы

В качестве материала для анализа были выбраны данные социологического опроса, проведенного осенью 2013 года во Владимирской области группой социологов РАНХиГС (рук. — Д.М. Рогозин) при поддержке АНО «Социальная валидация». В обследовании приняли участие 3506 человек, включая 1354 мужчин и 2152 женщин в возрастном диапазоне от 18 до 69 лет. Из них 2656 человек проживают в городах (75%), 443 — в поселках городского типа (12,6%) и 362 — в деревнях и селах (10,3%). Такая структура выборки в целом соответствует реальной структуре населения области, в которой 77,7% жителей проживают в городах и 22,3% — в сельской местности. Реализованная выборка оказалась незначительно смещена от данных Росстата по типу поселения (больше опрошено горожан), уровню образования (больше — с высшим образованием). Были опрошены представители разных социальных групп, включая учащихся, работников физического и умственного труда, руководителей, предпринимателей, пенсионеров, безработных и др. Доходы участников опроса варьируются от 0 до более 1 млн рублей в месяц. Обследование проводилось методом телефонного опроса владельцев как стационарных, так и мобильных телефонов. Данные опроса анализировались методом статистического анализа, а также методом контекст-анализа: были проанализированы записи сотни самых продолжительных интервью, в которых респонденты давали наиболее развернутые ответы.

Респондентам было предложено ответить на вопросы анкеты, разделенной на шесть тематических блоков:

Блок 1. Социальная политика. Включал вопросы об отношении людей к деятельности местной власти, а также об удовлетворенности уровнем благоустроенности населенных пунктов, развитием транспортной инфраструктуры, наличием учреждений культуры. В этом блоке также присутствовали вопросы о том, хотят ли респонденты переехать на постоянное место жительства в Москву или другой российский город.

Блок 2. Занятость. Здесь были представлены вопросы о трудовой деятельности респондентов и о возможности найти хорошую работу в их регионе.

Блок 3. Доходы. Респондентов просили рассказать об имеющемся и желательном уровне доходов лично для себя и для своих семей.

Блок 4. Домохозяйство. Предлагалось описать свою семью, а также оценить уровень развития образовательных учреждений в населенном пункте.

Блок 5. Здоровье и здоровый образ жизни. Включал вопросы о диете, привычках, отношении к спорту и алкоголю.

Блок 6. Социальная демография. Респондентам предлагалось рассказать о своем образовании, охарактеризовать свой населенный пункт и дать общую оценку вопросам анкеты.

Теоретической базой исследования послужила гравитационная модель миграции, уподобляющая социальные явления процессам физического мира. Эта модель, восходящая к трудам Э. Равенштейна, подразумевает, что сила взаимодействия между анализируемыми объектами (городами, регионами) зависит от значимости этих объектов и расстояния между ними. Иными словами, крупный город при прочих равных условиях будет притягивать население менее крупного, причем чем ближе эти города находятся друг от друга, тем сильнее сила притяжения.

Выбор Владимирской области в качестве предмета исследования обусловлен следующими факторами: во-первых, она граничит с Московской областью и испытывает сильное гравитационное воздействие со стороны Московской агломерации, что позволяет оценить важность влияния географического фактора; во-вторых, эта область имеет собственную культурную идентичность, уходящую в глубь веков (как известно, Владимир был столицей Северо-Восточной Руси до возвышения Москвы в XV веке), что позволяет оценить значимость социокультурных факторов в жизни региона; в-третьих, область имеет средние экономические и социальные показатели по ЦФО по таким позициям, как внутренний региональный продукт, доход на душу населения, уровень жизни и др.

Результаты

Общая характеристика миграционных процессов и настроений во Владимирской области. Владимирская область относится к тем российским регионам, которые ежегодно отдают часть своего населения соседним областям. По данным Федеральной службы государственной статистики, только в январе-августе 2013 года в область из других регионов прибыли 17915 человек, в то время как убыль составила 19419 человек. Таким образом, убыль за 8 месяцев 2013 года составила 1504 человека [6]. Миграционный отток жителей области наблюдается с 2011 года и в одном только 2012 году составил 2858 человек. Больше всего владимирцев уезжает в Москву.

Опрос показал, что многие респонденты хотели бы сменить место жительства. О таком желании заявили 30% опрошенных, в то

время как 66% не желают переезжать. Анализ ответов респондентов показал, что на миграционные настроения населения влияют как социальные, так и географические факторы. Воздействие социальных факторов подразумевает, что представители разных социальных и демографических (возрастных) групп имеют разные миграционные предпочтения. Влияние географического фактора выражается в том, что притяжение Москвы в разных зонах области проявляется с разной силой.

Далеко не все желающие переехать стремятся покинуть Владимирскую область. Каждый четвертый из них намеревается переехать во Владимир или другой город в пределах области. Вместе с тем многие респонденты назвали два и более направления желательного переезда, так что Владимир для них является лишь одним из возможных направлений миграции, причем не всегда самым желанным. Город Владимир и Владимирская область занимают лишь второе место по популярности среди желающих переехать (25%). С заметным отрывом лидируют Москва и Московская область, куда хотел бы переехать каждый третий потенциальный мигрант (33%). На третьем месте по популярности оказался Санкт-Петербург (18%), на четвертом — южное направление (9%). В случае с Югом часто звучали пожелания общего характера: люди заявляли, что хотели бы переехать туда, где тепло, где есть море, или называли один из черноморских курортов, зачастую известных еще с советских времен (Сочи, Геленджик и т. п.). На пятом месте оказался соседний Нижний Новгород (7%). Около трети опрошенных (29%) назвали другие города, причем выбор нередко мотивировался исключительно личными обстоятельствами, никак не связанными с экономической ситуацией, или какими-либо иными объективными факторами, что не позволяет видеть за подобными ответами проявление какой-либо тенденции.

Социально-демографические факторы. Респонденты, мечтающие о переселении, отличаются от остальной массы респондентов по ряду существенных признаков. Прежде всего речь идет о возрасте. Представители младших возрастов гораздо чаще выказывают желание переехать, а с возрастом желание остаться жить в своем регионе постепенно усиливается. И то и другое вполне согласуется с обыденными представлениями о беспокойной юности и спокойной старости. Почти половина (49%) молодых людей в возрасте до 24 лет мечтают начать новую жизнь на новом месте, но к 35 годам доля мечтателей снижается до 28%. Новый всплеск мигрантских настроений фиксируется у сорокалетних (37%), что, вероятно, связано с кризисом среднего возраста. Затем число желающих переехать снова начинает снижаться, пока не достигает минимума в предпенсионном возрасте (17%). Возраст респондентов также влияет на направление предполагаемой миграции. Так, если молодые чаще стремятся в Москву, то люди старшего возраста несколько чаще мечтают о теплых краях.

Образование также влияет на желание людей покинуть родные места. С одной стороны, возрастная структура потенциальных мигрантов обеспечивает высокую долю лиц с незаконченным высшим образованием (студентов) среди желающих переехать. С другой стороны, среди желающих уехать заметно больше лиц с высшим образованием, чем среди тех, кто хочет остаться. В ходе опроса высококлассные специалисты чаще других говорили, что им не составит труда найти подходящую работу в другом городе, что, определенно, оказывает влияние на их планы на будущее. Всего хотят переехать среди респондентов с неполным средним образованием 16,8%; с общим средним — 23%; со средним специальным — 28,4%; с незаконченным высшим — 42,3%; с высшим — 33,5%. Можно заметить, что желающие переселиться в Москву и Санкт-Петербург в среднем имеют несколько более высокий уровень образования, чем остальные респонденты. Если среди всех участников опроса только 32% имеют высшее образование, то среди желающих переселиться в Москву таковых 35,6%, а среди стремящихся в северную столицу — 48%. Судя по всему, свою роль здесь играет образ Санкт-Петербурга как культурной столицы России.

Важным фактором, влияющим на желание переехать, оказывает тип поселения, в котором проживают респонденты. Жители сел и поселков городского типа намного реже думают о смене места жительства, чем горожане: 26% селян против 30,6% горожан. Также заметную роль играет уровень квалификации респондентов. Лишь 27,5% рабочих задумываются о переезде, в то время как среди служащих таковых 31,3%, среди руководителей — 33,9%, а среди специалистов — 34,8%. Уровень доходов не оказывает значительного влияния на наличие, или отсутствие мигрантских настроений. Среди тех, кто хотел бы уехать, и тех, кто хотел бы остаться, примерно одинакова доля получающих высокие и низкие доходы.

Из приведенных данных видно, что, помимо возраста, наиболее важную роль в формировании миграционных настроений респондентов играют уровень образования и тип поселения. Если вывести за скобки студентов (незаконченное высшее образование), чье стремление к перемене мест отчасти объясняется возрастными особенностями, то перед нами предстанет последовательность, в которой каждая ступень, повышающая образовательный уровень, дает прирост в 5–6% желающих оставить Владимирскую область. Изменение статуса поселения с сельского на городской также дает прирост почти в 5%. Таким образом, типичный житель области, мечтающий о переезде, — это молодой, образованный или получающий высшее образование горожанин.

Экономико-географические факторы. Владимирская область уже в силу своей географии находится между двумя мощными центрами притяжения — Москвой и Московской областью, с одной стороны, и Нижегородской областью — с другой. К тому же через

Владимирскую область проходят транспортные пути, связывающие Москву и Нижний Новгород, что еще более приближает их к области и еще более увеличивает силу взаимодействия. Если область, в которой проживают 1,4 млн человек, еще может сопротивляться притяжению Нижнего Новгорода с его 1,2 млн, то Москва с ее почти двенадцатимиллионным населением безоговорочно доминирует над всеми соседними областями и втягивает Владимирскую область в свою орбиту.

В рамках гравитационной модели было разработано немало объясняющих схем, которые описывают поведение мигрантов. Как замечает М.Л. Лифшиц, высокий уровень объяснимости продемонстрировала модель И. Лоури, учитывающая такие факторы, как уровень безработицы, заработной платы и численность рабочей силы в регионах исхода и прибытия [5]. Также большое значение традиционно придается наличию длительной истории миграции в том или ином направлении. Люди с большей готовностью едут туда, куда в прошлые годы уже уехал кто-то из их знакомых или родственников. Здесь особенно важно, что наличие знакомых среди тех, кто уже обосновался на новом месте, облегчает новым мигрантам задачу поиска работы и жилья и в целом способствует скорейшей социализации.

Как можно заметить, перечисленные факторы оказывают заметное воздействие на Владимирскую область, традиционно связанную тесными узами с Москвой и Нижним Новгородом. Средний уровень зарплаты по области в 2013 году составил 18805,8 руб., в то время как в Москве за тот же период — 32986,2 руб. В 2012 году уровень безработицы в области составил 4,39%, в Москве тогда же он был самым низким в стране, составляя всего 0,81%. Все это не может не сказываться на стремлении владимирцев покинуть родную область.

В районах, примыкающих к Московской области, процент тех, кто хотел бы уехать в Москву заметно выше, чем в среднем по области (см. рис.). В западной части области расположены районы Александровский, Киржачский и Кольчугинский, и во всех трех число желающих переехать в Москву составляет по 14% от общей численности респондентов. Выделим их в первую группу. Расстояние от здешних районных центров до Москвы не превышает 150 км, что позволяет добраться до столицы за 2–2,5 часа. Судя по всему, большинство людей не готовы затрачивать на ежедневные поездки на работу и с работы более шести часов в сутки, а значит, стопятидесятикилометровая зона достаточно точно очерчивает территории, жители которых могут работать в Москве, не прибегая к вахтовому методу.

Ко второй группе можно отнести районы, через которые проходят железнодорожная магистраль Москва – Нижний Новгород, а также основные автодороги, связывающие эти два мегаполиса. Здесь число желающих переехать в Москву варьируется от 12% (Ковровский район) до 10% (Петушинский и Вязниковский районы).

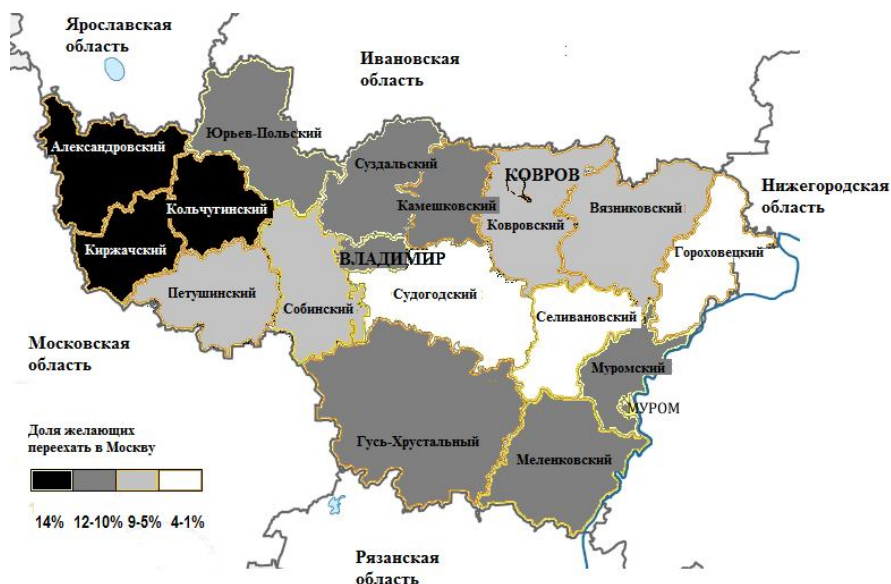

Рис. Распределение желающих переехать в Москву по муниципальным районам Владимирской области, % от общего числа опрошенных

В третью группу входят районы, находящиеся вдалеке от основных транспортных артерий и в силу этого слабо связанные с Москвой, а также сам город Владимир, который обладает собственным полем притяжения. Больше всего желающих переехать в Москву проживает в Гусь-Хрустальном и Муромском районах (по 9%) и во Владимире (8%), а меньше всего — в Юрьев-Польском (6%) и Камешковском (5%) районах.

Наконец, к четвертой группе относятся области, в которых число желающих переехать в Москву не дотягивает даже до 5%. Следует отметить, что по Судогодскому, Селивановскому и Гороховецкому районам, попадающим в эту группу, было собрано слишком мало информации, чтобы делать какие-то выводы, однако, известно, что Судогодский район тяготеет к Владимиру, а Гороховецкий — к Нижнему Новгороду. Вместе с тем московское направление миграции обладает рядом отталкивающих факторов. Так, 14% опрошенных заявили, что не могут переехать из-за недоступности жилья в предполагаемом месте прибытия.

Как представляется, базовая сила притяжения Москвы может быть измерена. Многие респонденты заявили, что хотели бы переселиться в Москву или какой-либо другой город, но есть и такие, кто желает переселиться только в Москву, отвергая все другие варианты.

Представляется, что эти люди уже определились с выбором и, вероятно, более серьезно нацелены на переезд, а потому силу притяжения Москвы лучше измерять, ориентируясь на них. Таких среди всех респондентов оказалось 3% (111 респондентов). В 7 из 16 муниципальных районов области число желающих переехать только в Москву также составило 3%. В двух из пяти городских округов (города Владимир и Радужный) их оказалось 5% и 4%. Зато в трех оставшихся городских округах таковых оказалось гораздо меньше: Ковров — 2%, Гусь-Хрустальный — 1% и Муром — 0. Самые заметные отличия от средних значений наблюдались в близких к Москве Киржачском и Камешковском районах (8% и 7% соответственно). В близком к Москве Александровском районе в столицу желают переехать те же 3%. Таким образом, можно считать, что 3% являются той самой «московской константой», действующей на всей территории области с небольшими местными вариациями. Видимо, таков процент жителей области, непосредственно затронутых московской гравитацией.

Итак, притяжение Москвы модифицируется такими факторами, как географическая близость и транспортная доступность столичного региона, что хорошо согласуется с базовыми принципами гравитационной модели.

Социокультурные (идеологические) факторы. Сила притяжения Москвы корректируется заметными антимосковскими настроениями, традиционно присутствующими в области. В статье, посвященной локальным идентичностям жителей российских регионов, П. Крупкин и С. Лебедев пишут о жителях Владимирской области: «Владимирцы видят себя, главным образом отталкиваясь от “москвы”: они именно что “не москвичи”: не нахалы, не авантюристы, осторожные молчуны, “себе на уме”. Но при этом не слишком отзывчивы на призыв о помощи и чересчур завистливы. Их мифология самостояния основана на том, что Владимир — это настоящий духовный центр России, центр православия... Но при этом Москва “крала”, “крадет” и будет “красть”! “Они у нас уже тысячу лет подметки режут, а мы — стоим”» [4, с. 39].

Антимосковская самоидентификация жителей региона отразилась и на их миграционных настроениях. На вопрос «Хотели бы вы переехать на постоянное место жительства в Москву?», нередко слышались весьма эмоциональные ответы: «никогда!», «только не в Москву!», «боже упаси!», «только под страхом расстрела!». За такими резкими высказываниями обычно стоит общее неприятие жизни в мегаполисе. Указываются такие негативные явления, как толчея в метро, слишком высокий темп жизни, общее безразличие людей друг к другу, отсутствие теплоты в общении, большое число мигрантов неславянского происхождения и т. п. В качестве примера можно привести следующие высказывания респондентов:

«В Москву — нет, она меня бесит вообще напрочь, я ее ненавижу этот город, дикий город вообще, я там пожил, поработал. Ничего хорошего я там не вижу».

«Пока у меня есть место работы я не хотела бы переезжать в большой город, где всем друг на друга наплевать... У нас если упадет тут подойдут, поднимут человека, а в Москве...»

«В большой город, но не в Москву. Там уже сплошные “узбекистаны”, в Москве».

Как можно заметить, за подобными суждениями кроется консервативная привязанность к привычному образу жизни в маленьком городе, где нет ни метро, ни приезжих, а многие друг друга знают. Для некоторых респондентов, разделяющих подобные взгляды, необходимость бывать в Москве представляется тяжелой повинностью, от которой они избавились бы при первой возможности.

Для какой-то части респондентов принятие негативного образа Москвы, судя по всему, компенсирует невозможность осуществить собственные столичные амбиции (по принципу «зелен виноград»), однако отрицать наличие антимосковских настроений среди жителей области невозможно. К сожалению, измерить, насколько такие настроения распространены, не представляется возможным из-за лаконичности большинства ответов, однако можно утверждать, что антимосковские взгляды чаще высказывают люди старших возрастных групп. Между тем, 3151 из 3506 респондентов категорически отказываются от самой мысли переехать в Москву. Это ровно 90% от опрошенных.

Идеологические установки влияют не только на миграционную привлекательность Москвы, но и в целом на миграционные планы местного населения. Часть респондентов объясняет свое нежелание менять место жительства идеологическими установками, унаследованными от традиционного общества, причем приверженность этим установкам декларируют представители самых разных возрастных и социальных групп. В частности, несколько респондентов объяснили свое нежелание переезжать с помощью одной и той же фразы: «Где родился, там и пригодился».

В приведенных ответах респондентов прочитывается система ценностей, в которой на первом месте стоят семейные узы (включая связь с могилами предков), стабильные дружеские связи, авторитет среди земляков и самоидентификация с малой родиной. Ценности погони за личным успехом, будь то деньги, карьера или повышение социального статуса, напротив, отвергаются как чуждые. Судя по всему, ориентация на традиционные и семейные ценности является важным тормозящим фактором, смягчающим воздействие выталкивающих факторов. 39% опрошенных заявляют, что им ничто не мешает переехать, но в то же время они никуда не желают переезжать. Многие из этих людей весьма критично оценивают качество жизни в

своем районе, в частности, 37% из них считают, что местные власти ничего для них не делают. И все же они предпочитают остаться в надежде «пригодиться» по месту рождения. В целом, 1,6% респондентов объяснили свое нежелание куда-либо переезжать любовью к своей малой родине; 2,2% заявили, что прикипели к своему образу жизни и ничего не хотят менять; еще 1,2% сослались на крепкие социальные связи (друзья, родственники, родители и др.), которые они не хотят, или не могут разорвать. В итоге, 5% опрошенных заявили, что никуда не поедут, сославшись на факторы, которые можно было бы назвать идеологическими, или социокультурными.

Социально-политические факторы. В области ощущаются определенные бытовые трудности, которые играют роль выталкивающих факторов, побуждающих многих владимирцев задуматься о смене места жительства. Способность властей решать эти проблемы также учитывается жителями области. Участникам опроса были заданы вопросы о том, делает ли власть что-нибудь для благоустройства их районов; как они оценивают качество дорог, поликлиник, образовательных и культурных учреждений; на что они потратили бы средства, если бы районный бюджет внезапно получил крупную сумму денег и т. д. Как оказалось, жители области активно интересуются жизнью своих районов, но при этом многое вызывает их недовольство.

Участники опроса разделились на две равные группы: 1440 респондентов (41% опрошенных) заявили, что местная власть делает что-то хорошее для жителей их районов, а 1429 респондентов (41%) полагают, что власть не делает абсолютно ничего. При этом люди называют одни и те же проблемы, стоящие перед областью, просто одни считают, что власти как-то пытаются их решить, а другие не замечают даже попыток что-то изменить.

Судя по всему, большую часть респондентов волнует состояние дорог в области, причем именно дороги являются для них важнейшим показателем качества жизни. О дорогах вспоминают как те, кто доволен властью, так и те, кто ею недоволен. Когда респондентам было предложено высказаться о том, на что бы следовало потратить лишние бюджетные средства, 36% участников опроса назвали строительство и ремонт дорог. Этот вариант ответа оказался самым популярным. За общее благоустройство территории проголосовали 21% респондентов, за совершенствование системы здравоохранения — 15%, за нужды образования — 11% и за развитие ЖКХ — всего 8%. Озабоченность жителей области состоянием дорог крайне высока. Респондентам было предложено оценить состояние дорог в их районе по четырехбалльной системе («отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо», «затрудняюсь ответить»), и 40% выбрали вариант «плохо».

Люди замечают определенные позитивные тенденции в деле улучшения дорожной системы. Так, 65% считающих, что местные

власти делают что-то полезное, говорят, что администрация занимается улучшением дорог. Однако состояние дорог остается для жителей области большой темой, причем желающие покинуть область заметно чаще высказывают критические суждения. Так, если среди тех, кто не хочет уезжать, дороги считают плохими 39,5%, то среди желающих уехать в Москву «неуд» дорогам ставят 51% опрошенных. Таким образом, отношение к дорогам может считаться не только важным показателем общего социального самочувствия людей, но и одним из важных выталкивающих факторов, заставляющих людей всерьез задуматься о смене места жительства.

Не менее важным показателем благополучия региона, чем дороги является качество медицинского обслуживания. Качество работы поликлиник вызывает нарекания у многих респондентов, причем каждый третий оценил их работу как неудовлетворительную. Среди респондентов, признавших возможность смены места жительства, таких оказалось еще больше — более 36%. Определенные нарекания вызывают качество образования, работа общественного транспорта и др.

Состояние дорог, общественного транспорта, медицины и т. п., как уже отмечалось, оценивалось респондентами по четырехбалльной шкале. Респонденты, у которых преобладали ответы «плохо» и отчасти «удовлетворительно» были обозначены как «пессимисты»; те, у кого преобладали ответы «отлично» и «хорошо», были названы «оптимистами»; а те, у кого доминировали средние оценки, получили название «нейтралов». Больше половины респондентов (53,4%) оказались «пессимистами», в то время как «оптимистов» нашлось всего 24,5%, а «нейтралов» — 22,2%.

Оказалось, что оптимистичность респондентов напрямую влияет на их миграционные настроения. Среди «оптимистов» уехать хотят только 26%, а среди «пессимистов» — 31,5%. Таким образом, среди желающих уехать на 5,5% больше людей с негативным восприятием окружающей реальности, чем с позитивным. При этом были отдельно посчитаны желающие поехать только в Москву; в Москву или в другой город; и в другой город, но не в Москву. Оказалось, что «московская константа» в 3% работает и здесь: только в Москву хотят ровно 3% «оптимистов», «пессимистов» и «нейтралов». Тем самым подтверждается тезис о том, что этой величиной измеряется сила воздействия московской гравитации. Количество самих «пессимистов» обратно пропорционально зависит от численности людей, проживающих в населенных пунктах (см. табл.).

Наименьшее число «пессимистов» проживает в крупных городах, население которых превышает 100 тыс. человек (Владимир, Ковров, Муром), — менее 50%. Исключением является Радужный, в котором проживает всего 18,4 тыс. человек, но доля «пессимистов» также

невелика (45,7%); однако Радужный изначально строился как наукоград и до сих пор отличается высоким уровнем занятости и социальных благ.

Таблица

**Зависимость доли «пессимистов»
от численности жителей населенных пунктов**

Район / город	Пессимисты, %	Желающие уехать, %	Население райцентра, чел.
Гороховецкий	76,6	40	13 553
Кольчугинский	74,6	37	44 786
Александровский	73,5	34	60 933
Селивановский	72,5	33	8 000
Вязниковский	71,6	33	39 401
Суздальский	69,0	20	10 240
Собинский	68,5	27	18 961
Ю-Польский	67,0	24	19 319
Гусь-Хрустальный	65,0	33	58 571
Киржачский	62,7	34	28 699
Петушкинский	55,3	32	14 375
Меленковский	54,2	36	14 711
Камешковский	52,5	30	12 852
Муром	48,8	23	112 609
Ковров	46,3	34	142 164
Радужный	45,7	23	18 466
Владимир	38,0	23	347 930

Могут быть условно выделены четыре зоны с разным уровнем недовольства. К первой зоне относятся города с населением более 100 тыс. человек и наукоград Радужный. В этой зоне «пессимистов» меньше 50%. Во второй зоне окажутся районы с самыми малолюдными райцентрами — по 12–14 тыс. человек (Петушкинский, Меленковский, Камешковский). Здесь пессимистов чуть более половины — 52–55%. В третьей зоне расположились районы с райцентрами, насчитывающими по 18–28 тыс. человек (Суздальский, Собинский, Юрьев-Польский, Киржачский) и Гусь-Хрустальный район, который является исключением, поскольку в городе Гусь-Хрустальном проживают 58 тыс. Здесь показатель недовольства держится на уровне 60–70%. Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в районах с самыми многолюдными и самыми малолюдными райцентрами. В райцентрах Александровского, Кольчугинского и Вязниковского районов проживает 39–60 тыс. человек, а в райцентрах Гороховецкого и Селивановского районов — 13 и 8 тыс. соответственно. Здесь доля «пессимистов» превышает 70%.

В целом можно заметить, что наибольший дискомфорт испытывают районы, чьи райцентры близки к пороговому значению «успешности» (100 тыс.), но не перешли этот порог, как и самые малые и депрессивные районы. Напротив, малые города, отдаленные от крупных центров, живут довольно счастливо. Также примечательно, что районы с наибольшей долей «пессимистов» смещены к западным и восточным границам области, то есть находятся в зоне притяжения Москвы и Нижнего Новгорода. Этот факт подтверждает гипотезу о том, что, несмотря на относительное экономическое благополучие районов, жители которых имеют возможность работать в мегаполисах, уровень удовлетворенности жизнью в них падает. Многие респонденты указывают на то, что близость к Москве идет на пользу благосостоянию их районов, но говорят об этом с сожалением, которое слышится в интонациях, но не может быть передано на бумаге.

В целом, как представляется, гипотеза о том, что сильнее всего от «недоурбанизации» страдает население средних и малых городов, испытывающих сильное гравитационное воздействие мегаполисов, находит подтверждение.

Заключение

На наш взгляд, обнаруженные на материале Владимирской области закономерности могут проявляться и в других регионах, хотя для подтверждения этого предположения необходимы дополнительные исследования. Зафиксированная напряженность в районах, чьи райцентры переросли уровень малых городов, но не достигли уровня крупных городов (20–100 тыс. человек) может иметь негативные внутривнутриполитические последствия. Причина имеющегося недовольства не может сводиться к чисто экономическим проблемам — таким как проблемы моногородов. Во-первых, единственный населенный пункт области, официально числящийся в списке моногородов Минрегиона, — это город Курлово в Гусь-Хрустальном районе, где процент «пессимистов» и «критиков» далеко не самый высокий. Во-вторых, процент тех и других высок в районах, близких к Москве и Нижнему Новгороду, где проще найти хорошо оплачиваемую работу. Представляется, что основа этого недовольства — контраст между качеством жизни в «недоурбанизированных» городах и городах, перешагнувших стотысячный барьер, за которым в данном регионе качество жизни становится подлинно городским. В других регионах этот уровень, разумеется, может быть другим. Негативное воздействие этого видимого контраста столь значительно, что у части населения даже выработалась защитная идеология, противопоставляющая жителей малых городов и мегаполисов: мы (в маленьком городе) — бедные, но честные и душевные, а они (в мегаполисе) — богатые, но бездушные и вороватые.

Несмотря на устойчивую местную идентичность, миграционные намерения остаются достаточно сильными, что соотносится с общероссийскими тенденциями. Таким образом, имеется риск того, что вокруг ряда мегаполисов, и прежде всего вокруг столиц, возникает пояс недовольства, постоянно подогреваемого маятниковыми миграциями местного населения. Как показывают данные исследования во Владимирской области, регулярные контакты с развитым мегаполисом вызывают фрустрацию из-за постоянного сравнения качества жизни в большом городе и у себя, что ведет к нарастанию миграционных настроений. Когда же оказывается, что большинству мечтающих переехать в столицу это вряд ли удастся в ближайшей перспективе, фрустрация становится еще сильнее. Недовольство выплескивается в негативную оценку действий местных властей.

Вероятно, возникшая ситуация может быть разряжена с помощью специальных программ местных властей, направленных на приоритетное развитие районов, наиболее тесно связанных с мегаполисами. Такой подход в известной степени противоречит традиционным представлениям, согласно которым приоритетное внимание должно уделяться либо наиболее депрессивным районам, либо, напротив, возможным «точкам роста». Вместе с тем недостаточное внимание к районам, которые кажутся благополучными с экономической точки зрения, может привести к формированию негативных установок у значительных групп активного и трудоспособного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев Е.М., Вишневецкий А.Г.* Демографические перспективы России до 2050 г. // *Население России 2006* / Отв. ред. А.Г. Вишневецкий; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. Дом ГУ–ВШЭ, 2008. С. 265–288.
2. *Андрюченко Ю., Гурьев С.* Разработка модели внутренних и внешних миграционных потоков населения для регионов Российской Федерации / Центр экономических и финансовых исследований и разработок российской экономической школы, июнь 2006 [отчет]. — 53 с.
3. *Зайончковская Ж.А.* Федеральные округа на миграционной карте России [электронный ресурс]. Дата обращения 16.04.2014. URL: <<http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=pub/za02>>.
4. *Крупкин П.Л., Лебедев С.Д.* К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // *Социологический журнал*. 2013. № 4. С. 35–49.
5. *Лифшиц М.Л.* Миграционный прирост населения в России: факторы, перспективы, выводы для миграционной политики // *Прикладная эконометрика*. 2010. № 2 (18). С. 32–51.
6. *Мироедов А.А.* Тезисы к докладу руководителя Владимирстата А.А. Мироедова на пресс-конференции «Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: место рождения, продолжительность проживания в месте постоянного жительства и жилищные условия населения»

- Владимирской области» 1.03.13 г. [электронный ресурс]. Дата обращения 16.04.2014. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rc=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCcQFjAA&url=http%3A%2F%2Fxn--33-7lcajlu.xn--p1ai%2Fupload%2Fiblock%2Fbd1%2Fdrpqrmatmdr%2520mffsnpfwuiufqjplihaxu%2520pw.sb%2C%2520ikekcodfcxfqfawgjf%2520lrij%2520rlgdlzqpx-hpjxprcyvswjvsokwphhp%252002.2013m.docx&ei=nHW7Ut_IOObT4QSi7oDgCg&usg=AFQjCNFFMnxXAJ6Xt3seGhzbjksTswS6ZQ&bvm=bv.58187178,d.bGE&cad=rjt.
7. *Мкртчян Н.В.* «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки. 2004. № 4 (19) [электронный ресурс]. Дата обращения 11.11.2013. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/zapadnyu-dreyf-vnutrirossiyskoj-migracii#t1>.
 8. *Нефедова Т.Г., Полян П.М., Трейвиш А.И.* Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. — 558 с.
 9. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Города России до последнего кризиса: нарастание пространственных различий // Демоскоп. 2010. № 437–438 [электронный ресурс]. Дата обращения 16.04.2014. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema03.php>.
 10. *Gibbs J.* The evolution of population concentration // *Economic Geography*. 1963. Vol. 39. No. 2. P. 119–129.

Дата поступления: 14.03.2014.

К.Е. НОВИКОВ

Novikov Kirill Evgenievich — Candidate of Philosophical Sciences, Scientific Associate of the International Laboratory of Political Demography and Macro-Sociological Dynamics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). **Address:** Prospect Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation, 119571. **Phone:** +7 (919) 967-13-71. **Email:** kenovikov@yandex.ru

MIGRATORY INTENTIONS IN VLADIMIRSKAYA OBLAST IN THE PERSPECTIVE OF RUSSIAN URBANIZATION

Abstract. This article is devoted to the problem of migration between the regions of Central Russia and Moscow. The article contains a statistical analysis of a survey conducted in Vladimirskaya oblast in the fall of 2013. It is focused on the plans of the locals to leave their region to settle elsewhere in Russian Federation. The classical gravity model is used to describe the pattern of migration activity. The vicinity of a capital city like Moscow or Nizhny Novgorod is supposed to be a major pull factor attracting migrants from the nearby smaller towns and cities. In this article the power of different push and pull factors, including the geographical and transport accessibility factors, are measured and explained. It is demonstrated that besides economical, demographical and political factors there are also socio-cultural factors playing some role in setting minds of the would-be migrants. The article demonstrates the connection between the results of urbanization, or underurbanization because it is still unfinished, and the desire of some people to change their place of living.

Keywords: Gravity model, Vladimirskaya oblast, migration, migratory intentions, urbanization, underurbanization, statistical analysis, socio-cultural factors.

REFERENCES

1. Andreev E.M., Vishnevskij A.G. *Demograficheskie perspektivy Rossii do 2050 g.* Naselenie Rossii 2006. [Otv. red. A.G. Vishnevskij; Gos. un-t – Vysshaja shkola jekonomiki]. Moskva: Izd. Dom GU–VShJe, 2008. S. 265–288. (In Russ.)
2. Andrienko Ju., Guriev S. Razrabotka modeli vnutrennih i vneshnih migracionnyh potokov naselenija dlja regionov Rossijskoj Federacii. [Centr jekonomicheskikh i finansovyh issledovanij i razrabotok ros-sijskoj jekonomicheskoy shkoly, ijun' 2006, otchet]. — 53 s. (In Russ.)
3. Zajonchkovskaja Zh.A. *Federal'nye okruga na migracionnoj karte Rossii* [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija 16.04.2014. URL: <<http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=pub/za02>>. (In Russ.)
4. Krupkin P.L., Lebedev S.D. *K sakral'nym osnovanijam lokal'nyh identichnostej v segodnjashnej Rossii: opyt strukturnogo analiza.* Sociologicheskij zhurnal. 2013. No. 4. S. 35–49. (In Russ.)
5. Lifshic M.L. *Migracionnyj prirost naselenija v Rossii: faktory, perspektivy, vyvody dlja migracionnoj politiki.* Prikladnaja jekonometrika. 2010. No. 2 (18). S. 32–51. (In Russ.)
6. Miroedov A.A. Tezisy k dokladu rukovoditelja Vladimirstata A.A. Miroedova na press-konferencii «Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda: mesto rozhdenija, prodolzhitel'nost' prozhivanija v meste postojannogo zhitel'stva i zhilishhnye uslovija naselenija Vladimirovskoj oblasti» 1.03.13 g. [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija 16.04.2014. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCcQFjAA&url=http%3A%2F%2Fxn--33-7lcajlu.xn--plai%2Fupload%2Fiblock%2Fbd1%2Fdrpqrqrbmatmdr%2520mffsnpfwuiufqjplihaxu%2520pw.sb%2C%2520ikekcodfcxfqfawgjf%2520lrjij%2520rlgdlzqpzx-hpjxprcyvsvjvsoqwpshpk%252002.2013m.docx&ei=nHW7Ut_IOObT4QSi7oDgCg&usq=AFQjCNFFMnxXAJ6Xi3seGhzbjksTswS6ZQ&bvm=bv.58187178,d.bGE&cad=rjt>. (In Russ.)
7. Mkrтчjan N.V. «Zapadnyj dreyf» vnutrirossijskoj migracii. Otechestvennye zapiski. 2004. No. 4 (19) [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija 11.11.2013. URL: <<http://www.strana-oz.ru/2004/4/zapadny-dreyf-vnutrirossijskoj-migracii#t1>>. (In Russ.)
8. Nefedova T.G., Poljan P.M., Trejvish A.I. *Gorod i derevnja v Evropejskoj Rossii: Sto let peregmen.* Moskva: OGI, 2001. — 558 s. (In Russ.)
9. Nefedova T.G., Trejvish A.I. *Goroda Rossii do poslednego krizisa: Narastanie prostranstvennyh razlichij.* Demoskop. 2010. No. 437–438 [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija 16.04.2014. URL: <<http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema03.php>>. (In Russ.)
10. Gibbs J. *The evolution of population concentration.* Economic Geography. 1963. Vol. 39. No. 2. P. 119–129.

Received: 14.03.2014.